

Академия наук и российская пресса в период Первой мировой войны¹

Первая мировая война крайне негативно сказалась на международной деятельности Академии наук и ее положении в стране. Академия была тесно вплетена в международное научное сообщество и с разрывом научных связей с европейскими государствами, особенно Германией, стала ощущать определенную изоляцию. Академия была вынуждена отменить устройство конгресса Международного астрономического общества и съезда Международной сейсмологической ассоциации. В Лейпциге был закрыт Русский отдел Международной выставки книгопечатания, в Стамбуле – Русский археологический институт².

Война в Европе вновь обострила двухвековой немецкий вопрос, который волновал российскую общественность. В 1914–1915 гг. «злополучный» немецкий вопрос поставил Академию наук едва ли не в один ряд с врагами Российской империи. Отказ от «изгнания» немецких академиков из стен Академии наук вызвал волну публикаций в прессе всех направлений. Об Академии наук писали во «Времени», «Новом Времени», «Колоколе», «Русском знамени», «Голосе», кадетской «Речи», «Биржевых ведомостях» и даже в «Земщине» (и это еще не полный список прессы того времени). Объем статей варьировался от пары строк до целых подвалов и даже разворотов листа.

Отношение к Академии наук зависело, конечно, от направленности издания. «Новое время» или «Земщина», подверженные ура патриотическому настроению, которое охватило общество в годы Первой мировой войны, крайне резко, на грани неприкрытой издевки, писали о германофильстве ученых мужей. Зачастую это были заметки, наполненные невероятным пафосом. Так, в разделе «Петроград, 17 янв. 1915 г.» неизвестный автор «Колокола» вопрошал: «... неужели не содрогнется сердце каждого русского, если они узнают, что и после войны главное немецкое укрепление – Российская академия наук – продолжает восхищаться Ягичами³, Момсенами, Оствальдами, Вундтами, Баллодами, Гарнаками и другими варварами в тогах ученых, призывающими грома и молнии на нашу святую, многострадальную и многотерпимую Русь! Да не будет этого. Мы не преминем засыпать устроенные для нас волчьи ямы немецкой лженауки, разрежем на мелкие куски германские проволочные ограждения к нашим отечественным духовным родникам, взорвем и обработаем со всею тщательностью и любовью нивы нашего родного гения и он расцветет на них пышными и яркими цветами»⁴. За месяц до этого автор заметки в «Свете» настаивал, что неисключение из академии германских ученых граничит с предательством⁵. Журналисты так увлеклись этим вопросом, что стали проводить примеры из истории, рассказывая как М.В. Ломоносов боролся с немцами-академиками, от которых он много претерпел⁶. При этом сама статья осуждала национализм в государственном управлении.

Между редакциями суворинского «Нового времени» и кадетской «Речи»

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-00010.

² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1914. Д. 164. Л. 449; Там же. Д. 161. Л. 78.

³ Автор статьи не ведал о том, что И.В. Ягич был хорват по национальности, конечно, не мог он знать и о письме И.В. Ягича А.А. Шахматову, в котором тот признавался: «Все мы, славяне, не исключая и Вас, русских, очень плохие организаторы. Все мы не можем отказаться от мелочных расчетов самолюбия, взаимной зависти, порядочной доли грубости, раболепствуем перед чужими, у своих не признаем авторитетов и т. д. Вот до каких результатов довело меня мое знакомство со славянским миром в его прошлом и настоящем!». Цит. по: Басаргина Е.Ю. «Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М., 2008. С. 355–356.

⁴ Колокол. 1915, 17 января. № 2610. С. 1.

⁵ Свет. 1914, 16 декабря. № 334. С. 1.

⁶ Новое время. 1915, 6 (19) янв. № 13944. В рубрике «Среди газет и журналов».

началась полемика по поводу германофильства Академии наук. В газете «Речь» с сожалением отмечалось: «Темное дело подстрекательства и уличной агитации “Нового времени”, которое не понимает, что “Ватикан на Васильевском острове”⁷ должен быть недоступен “политике” и ревниво блюсти свою “полную автономию” от всяких “велений”... Мы предпочитаем... чтобы русская Академия наук показала высокий пример того, как следует хранить сверхнациональные ценности. Этим она поднимет наше моральное достоинство в глазах наших друзей и союзников и лучше послужит нашему национальному делу, чем путем подчинения “повелительным нотам”, подкрепляемым доносами и уличной травлей Суворовых детей»⁸. На эту публикацию «Новое время» ответило уже 19 января статьей «Наука и гражданственность»⁹.

В 1915 г. «немецкий вопрос» коснулся мэтра российского востоковедения, директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого академика В.В. Радлова (1837–1918). Радлов был уроженцем Берлина, и в газете «Новое время» от 14 марта¹⁰ была помещена анонимная статья под заголовком «Поругание государственного языка в русской Академии наук». Начиналась она броским абзацем: «Слухи о существовании в Академии наук академиков, плохо знакомых с русскою речью, подтвердились самым несомненным и печальным образом». В «Опыте словаря тюркских наречий»¹¹ автор нашел следы корявой русской речи и на фоне борьбы с Германией раздул из этого «всероссийский ученый неслыханный скандал»¹², припомнив, что этого «немца» уже давно содержали на казенный счет, а что он собственно сделал за это время? Да, совершил никому ненужную «Архонскую экспедицию», материал которой «дремлет без всякого употребления безмятежно где-то в академических складах»¹³. Уровень публицистики, особенно пропагандистско-казачной, не был высоким, поэтому неудивительно, что автор даже не удосужился уточнить название экспедиции.

В 1891 г. В.В. Радлов предпринял экспедицию в Монголию под эгидой Императорской Академии наук. Экспедиция вошла в историю как Орхонская и, без преувеличения, совершила революцию в тюркологии. Были открыты орхон-енисейские рунические надписи, которые позднее расшифровал тот же В.В. Радлов и датский лингвист В. Томсен. Отчеты экспедиции публиковались 10 лет и вошли в золотой фонд отечественного и мирового востоковедения. Но автора статьи это мало волновало, как и то, что, благодаря докладу В.В. Радлова и С.Ф. Ольденбурга на XII конгрессе ориенталистов в Риме (1899) было решено учредить Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии, с центральным комитетом в Петербурге. Это выводило российскую науку в области ориенталистики на мировой уровень и признавало ее успехи. В.В. Радлов в 1902 г. стал председателем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении. Но эти и другие многочисленные достижения академика журналист не хотел вспоминать.

⁷ То, что академики считали себя «ученым сословием», а Академию наук признавали «status in statu» вызывало раздражение еще в 1865 г. «Голос» открыто признавал, что академия пользуется крайней непопулярностью у публики (№ 198. 20 июля 1865. С. 1–2).

⁸ Речь. 1915, 17 (30) января. № 16 (3030). С. 2. Раздел «Печать». Без автора.

⁹ Новое время. 1915, 19 января (1 февраля). № 13957. С. 2.

¹⁰ Еще 14 февраля в статье «Нового времени» «Российская АН и немцы» за подписью «Не ученый» констатировалось, что «и в наши дни в Академии — что, конечно, не было бы возможно, ни в одном государстве — есть академики, весьма твердые в получении казенного содержания, квартир и знаков отличий и не очень твердые в русской речи. Не из деликатности ли к ним академия не выступает теперь с протестом против германских ученых?» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1914. Д. 45. Л. 48). 24 февраля в той же газете в статье «И смех, и грех!» уже писали об ошибках, встречающихся в текстах В.В. Радлова, написанных на русском языке. (Там же. Л. 54).

¹¹ Radlov V. Versucheines Wörterbuches der Türkdialekte // Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1888–1911. Переизд.: Т. 1–4. М., 1963.

¹² Новое время». 1915, 14 марта. № 14011. С. 1–2.

¹³ Там же.

Еще ранее, 2 (15) марта 1915 г. от «Новой газеты» досталось и директору Пулковской обсерватории академику шведского происхождения О.А. Баклунду. В статье «Какому отечеству служат немцы — члены Российской императорской Академии наук?» автор — за подписью С.К. — красочно повествовал о «проделках» академика, передавшего на временное хранение «драгоценные, единственные в мире рукописи знаменитого астронома Кеплера, хранившиеся в Пулковской обсерватории» немецким астрономам Берлина. Автор статьи особо подчеркивал, что «Мы знаем.. что подобные передачи “во временное пользование” письменных сокровищ, не имеющих цены рукописей... — нигде в мире не имеют места и никем решительно не практикуются»¹⁴. В этом пассаже содержалась заведомая ложь, отправка рукописных материалов и книг во временное пользование из одной страны в другую для научной работы тогда была обычным делом внутри международного научного сообщества, но для простого обывателя это выглядело как «чистое воровство». Кроме того, О.А. Баклунд открыто «содействовал проведению немцами геодезических исследований побережья Черного моря в 1910 г. <...> Возможно, что некоторая неточность опубликованных Прусским геодезическим институтом исследований с избытком вознаграждается точностью и богатством неопубликованных известий». Если академика В.В. Радлова только высмеивали за плохое знание русского языка, то О.А. Баклунда открыто обвиняли в шпионаже и разбазаривании российского культурного достояния. Академик был вынужден защищаться от нападок, выступив на заседании Физико-математического отделения уже 4 марта. Отделение выразило ему «горячее свое сочувствие и глубокое уважение и постановило послать ... опровержение этой статьи в те газеты, где она была напечатана или перепечатана»¹⁵. А тема действительно оказалась весьма пикантной — статья почти слово в слово была перепечатана в «Колоколе». У О.А. Баклунда были веские причины опасаться не только за свою научную репутацию, но и за свою жизнь. Так, в 1914 г. на основании клеветнической заметки в газете был арестован и сослан в Сибирь профессор Киевского университета востоковед Ф.И. Кнауэр. В судьбе этого ученого Академия наук приняла самое близкое участие, но прецедент был создан, и О.А. Баклунд имел серьезные основания для опасений за свою судьбу.

Газетная травля Академии наук была вызвана ее отказом выполнить постановление Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений» (кроме лиц славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких подданных христианских вероисповеданий), оно признавало недопустимым при современных политических условиях их участие в деятельности перечисленных организаций¹⁶.

Нельзя исключать и того, что политика травли была продуманной, а ее корни восходили к 1911 г., к реформам Л.А. Кассо. Например, 19 января 1915 г. в «Новом времени» анонимный автор, выходя за рамки приличия, писал, что неизгнание немцев «недоумками космополитического либерализма»¹⁷ — имея в виду академиков и редакцию газеты «Речь» — свидетельствует о том, что «автономность ученых корпораций в

¹⁴ Новое время. 1915, 2 марта (15 марта). № 13999. С. 2.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1914. Д. 45. Л. 59.

¹⁶ Утверждено Николаем II 19 ноября 1914 г. Особый журнал Совета министров от 31 октября 1914 года. «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год / Редколлегия тома: Б. Д. Гальперина, А. Д. Степанский, В. В. Шелохаев. М., 2006. С. 473–474. № 178. Подробнее см.: «Дело» об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава Академии наук. Январь 1915 – март 1916 г. / Публикация Е.Ю. Басаргиной // Исторический архив. 2014. № 3. С. 181–194; № 4. С. 157–166.

¹⁷ Характерно, что и в XIX в. пресса с пренебрежением называла академиков космополитами.

политике по своему логическому смыслу и содержанию в такие минуты («в минуту кровавой борьбы») становится уже отрицанием всякой общественности и гражданственности, подрывом той всеобщей солидарности, которая объединяет людей в общество и государство». Явное указание на «автономность» как «корень зла» было характерно для проправительственной прессы охранительного характера. «Земщина» полностью поддерживала эту позицию и даже открыто писала, разъясняя читателю позицию консерваторов и не демократов. По мнению редакции, «благодаря переменам в составе профессоров, происшедшем в период управления Л.А. Кассо, русские университеты с честью исполнили свой патриотический долг», изгнав из почетных членов немцев. Оставалось только сокрушаться, что «меры, проектированные Л.А. Кассо, были приняты по отношению Академии наук, то без сомнения яркий контраст между образом действий университетов, освобожденных от ка-дэксского засилья, и академии, пребывающей в ка-дэксско-немецком пленении, служит надежным ручательством к наиболее убедительным доказательствам, что система Л.А. Кассо являлась верхом государственной мудрости, наиболее целесообразной защитой достоинства русской науки и интересов русского народа»¹⁸.

Академия наук оказалась в сложной ситуации, когда под прикрытием внешней угрозы власть могла реализовать худший для ее автономии сценарий, несмотря на старание вице-президента П.В. Никитина, который всеми силами пытался сохранить общий строй и основные черты академической жизни. При этом уступать в «немецком вопросе» Академия наук не собиралась и лишь частично удовлетворяла требование общественности: например, на заседании Физико-математического отделения 21 января 1915 г. было принято предложение акад. А.А. Маркова снять с обложек изданий академии указание на то, что они имеются в продаже у академического комиссионера «Фосс (Г.В. Зоргенфрей) в Лейпциге»¹⁹; на заседании Общего собрания 7 февраля того же года было решено не выписывать во время войны книги из Австро-Венгрии и Германии²⁰. Эта «уступка» общественному мнению на деле привела только к негласному поиску новых поставщиков для литературы из Германии и Австро-Венгрии. Это не помешало в очередном выпуске «Известий Императорской Академии наук» напечатать на немецком языке статью Оскара фон Лемма (Oscar von Lemm) «Koptische Miscellen CXLV–CXLVIII», на что редакция «Нового времени» сразу же отреагировала вопросами: «Зачем это? Неужели не стыдно?»²¹. Для обывателей, с радостью воспринявших указ Л.А. Кассо о преподавании исключительно на русском языке даже в немецких школах²², подобные «демарши» оставались непонятны.

Реформы министра образования Л.А. Кассо и Первая мировая война фактически сделали Академию наук одним из ньюсмейкеров прессы всех направлений. Если проправительственные газеты старались больше информировать публику о ее деятельности, прокадетские газеты выступали в ее поддержку или искали причины к оправданию ее действий/бездействия, то правомонархическая пресса не стеснялась в выражениях и пыталась показать любые факты в негативном свете, прямо указывая на необходимость реформирования ученого учреждения в сторону сокращения его свободы. Это было связано с духом эпохи, когда волнения в народе и студенчестве, затем военное положение, стали диктовать более жесткие условия жизни и ограничение свободомыслия.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1–1914. Д. 45. Л. 61.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1–1914. Д. 45. Л. 35. До войны, в основном через издательства и книготорговые фирмы Лейпцига, шло распространение изданий Академии наук и закупка иностранной литературы. См: *Колчинский Э.И.* Академия наук и Первая мировая война // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М., 2004. С. 687–690.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1–1914. Д. 45. Л. 46 а.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1–1914. Д. 45. Л. 49. Новое время. 17 февр. 1915 г.

²² «Новое время» в статье «Народное просвещение» весьма подробно и с приветствием коснулась этого новшества (№ 13939 от 1 (14) янв. 1915 г. С. 2).

Единственным смягчающим моментом в наступлении прессы на Академию наук стала инициатива В.И. Вернадского о создании Постоянной комиссии для исследования естественных производительных сил Российской империи (КЕПС). Все газеты позитивно отреагировали на это заявление и почти пошагово прослеживали работу комиссии.

В «Биржевых ведомостях» уже в утреннем выпуске 30 апреля 1915 г. была опубликована статья «Изучение естественных производительных сил России», сообщающая, что вчера в Академии наук «под председательством проф. А.С. Фаминцына»²³ состоялось первое предварительное заседание Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Заседание открылось докладом В.И. Вернадского, указавшего, что экономическая зависимость нашей жизни от Германии в дальнейшем не может быть терпима и не может дальше продолжаться без коренного изменения»²⁴. Ученый познакомил комиссию с возможностью изучения естественных производительных сил России, «предостерегая производить это изучение книжным путем. По мнению докладчика, научное исследование природных объектов должно производиться на месте, т. е. должно быть связано с экспедициями и экскурсиями, без которых не может идти научная деятельность в области естествознания. В первую очередь В.И. Вернадский предлагал выделить следующие определенные задачи: «1) сводка того, что сейчас известно по отношению к естественным производительным силам России, 2) отдельные частные задачи, которые должны выдвигаться жизнью или отдельными лицами, и обсуждение которых, очевидно и составит главную сторону деятельности комиссии». Им был поставлен вопрос об издании справочника об естественно-производительных силах. В.И. Вернадского, конечно, смущали большие затраты, но по его мнению часть этих расходов должна была покрыться продажей сборника. Значительно большую сумму, достигавшую нескольких миллионов, необходимо было выделить на организацию новых исследовательских учреждений, создание новых и расширение старых музеев, лабораторий и институтов. Хорошо чувствуя политический момент, В.И. Вернадский понимал, что «деньги эти должны найтись, так как только с их затратой Россия может достигнуть высшего развития культуры и сбросить с себя иго Германии».

«Современное слово» 5 мая 1915 г. в статье «Богатство природы и народа» сообщало о заседании особой комиссии по изучению естественно-производительных сил России, на котором «акад. А.С. Фаминцын нарисовал очень поучительную картину нашего чисто “академического” отношения к огромным природным богатствам, которые могли бы создать новые цветущие отрасли промышленности... Война обнаружила всестороннюю зависимость нашей экономической жизни от Германии... Академия наук ставит себе широкую задачу: прежде всего ознакомить с нашими спящими естественными богатствами.... Остается только пожелать, чтобы это прекрасное начинание академии положило начало широкому творчеству, окрыленному национальным воодушевлением, о котором говорил проф. Фаминцын, чтобы оно получило не академическое, а великое жизненное значение»²⁵.

Вскоре и Академия наук стала для прессы борцом с «германским засильем» в промышленности. Позитивный имидж академии в вопросе изучения естественных сил России одинаково поддерживался и западной, и славянофильской прессой. Газетчики обратили внимание на академические опыты по изготовлению селитры, которую ранее тоже привозили из Германии. Еще пару месяцев назад пресса называла академиков «предателями», но вскоре значимость Академии наук резко возросла, т. к. ее представители стали незаменимыми экспертами в решении насущных оборонных проблем, которые своими идеями и научными разработками были способны стимулировать экономический подъем России. Пиар-компания в прессе могла бы помочь

²³ А.С. Фаминцын был избран председателем комиссии, а В.И. Вернадский секретарем (Протоколы заседаний ФМО. Заседание 4 февраля 1915 г. § 84)

²⁴ Биржевые ведомости. 30 апреля (13 мая) 1915 г. № 14815. С. 2. Утренний выпуск.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1915. Д. 27. Л. 11.

академии в пропаганде развития научно-технических идей в обществе и властных структурах и могла стимулировать научное и техническое развитие страны, но Революции 1917 г. изменили вектор развития РАН, не дав осуществиться многим научным проектам.